

Г. С. БАРАНКОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

**О ВТОРОМ ИЗДАНИИ
ПРАСЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКИ
Г. А. ИЛЬИНСКОГО**

Имя Г. А. Ильинского, выдающегося отечественного слависта, автора многочисленных работ по этимологии, истории славянских языков, издателя древнеболгарских грамот и других памятников древнеславянской письменности, члена-корреспондента Российской академии наук, хорошо известно в научном мире. Судьба ученого сложилась трагически: он был репрессирован по Делу славистов и расстрелян в 1937 г. в Томске, а его научное наследие последних лет жизни было утрачено или осталось неопубликованным. Делом всей его жизни была работа над «Праславянской грамматикой» (далее ПГ), первое издание которой вышло в Нежине в 1916 г. и было отмечено Толстовской премией и золотой медалью АН. Это один из первых в истории славистики труд обобщающего характера, в котором праславянский язык был определен как самостоятельная дисциплина, имеющая свой предмет и метод изучения. В 1927 г. Е. Ф. Карский, действовавший от имени АН СССР, предложил Г. А. Ильинскому подготовить второе издание ПГ для Энциклопедии славянской филологии. История несостоявшегося выхода в свет второго издания «Праславянской грамматики» составляет одну из самых трагических сторон отечественного языкознания 30-х годов¹ и связана она с тем, что в 20-е годы набрала силу и была объявлена истинно марксистской яфетическая теория Н. Я. Марра, а сравнительно-историческое языкознание, одним из наиболее талантливых представителей которого являлся Г.А. Ильинский, было признано несостоятельным и буржуазным.

Наиболее полное представление о причинах, по которым 2-е издание ПГ так и не вышло в свет, можно получить по документам,

---

¹ Ее подробное описание см. (Баранкова 2002).

хранящимся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН. Исчерпывающе отражена она в переписке Ильинского с коллегами-славистами – Б. М. Ляпуновым, Е. Ф. Карским, В. А. Богородицким и др. Особый интерес в этом отношении представляют письма Ильинского Б. М. Ляпунову, который не только постоянно находился в курсе научных интересов Ильинского, но и принимал деятельное участие в подготовке 2-го издания ПГ.

Нельзя не отметить, что многие отечественные ученые лишь пассивно противодействовали внедрению марровских идей в языкознание, Ильинский же активно выступал против марризма и даже участвовал в дискуссии, состоявшейся в Коммунистической академии, вполне осознавая, что это может пагубным образом сказаться на выходе в свет его «Праславянской грамматики». Вот что он писал акад. Б.М. Ляпунову 2 марта 1929 г.: «В последнее время я очень волнуюсь, что моя ПГ не увидит света совсем. Как я слышал от М. Н. Сперанского, председателем ком[иссии] «Языка и литературы» Академии Наук назначается Н. Я. Марр, и я очень боюсь, чтобы он не стал бросать мне палки в колеса. Он вообще не признает «праязыков», а тут я еще недавно имел неосторожность выступить в здешней Коммунистической Академии вместе с неизвестным Вам Е. Д. Поливановым о пресловутой яфетической теории, причем с полной откровенностью высказал свое мнение об этой фантазмагории» (СПб. Отделение Архива РАН. Ф. 752. Оп. 2. лл. 200–200об.). Еще более откровенно Ильинский высказывался по поводу идей Марра в письмах своим зарубежным коллегам–ученым: «В филологии у нас задает тон Н. Я. Марр своей яфетидической теорией, которая представляет собой (чтобы не сказать худшего) бред сумасшедшего. И тем не менее эта сплошная ерунда будет у нас, вероятно, скоро объявлена общеобязательной для всех лингвистов «православной» системой языкознания, и горе тем, которые позволят себе назвать эту теорию ее настоящим именем»... (Из писем Г. А. Ильинского М. Г. Попруженко, русскому ученому, эмигрировавшему после Октябрьской революции в Болгарию (Архив Болгарской академии наук, ф. 61, ед. хр. 164, л. 22, л. 24, 1928 г.).

Праславянская грамматика Ильинского была основана на сравнительно-историческом методе в языкознании, который был прямо противоположен идеям марризма, не случайно основатель «нового учения о языке» в работе «К происхождению языков» утверждал: «Господствующая индоевропейская школа языкознания не признает,

да и не может признать яфетической теории, так как она опрокидывает ее не только основные положения, вроде сказки о праязыке, но и подрывает самый метод ее работы, исключительно формально-сравнительный» (Марр 2002: 108). Поэтому сторонники сравнительного языкознания, представители его старой школы, возлагали большие надежды на появление 2-го издания ПГ, считая ее выход ответом на фантазмагорическую теорию Марра. Ильинский в срок уложился с написанием своей работы и уже в 1930 г. хлопотал об издании книги. Однако работа тормозится, корректуры идут медленно, для окончательного утверждения работы к печати требуются отзывы ученых. По решению РИСО книга была передана на отзыв Н. Я. Марру, который, как и следовало ожидать, написал отрицательный отзыв, охарактеризовав работу как методологически стоящую на позициях «идеалистической лингвистики». Марр предложил издать лишь «Введение» в ПГ, снабдив его предисловием, в котором должен был быть развенчан «формально-сравнительный метод» в языкознании и показан тупик, «в который завел этот метод так называемое “славяноведение”». При этом «Введение» предполагалось издать небольшим тиражом, распространив его по библиотекам, а основную часть вообще не печатать. Несмотря на то, что это известие не должно было стать для Ильинского неожиданным, он переживал его очень тяжело и предпринимал отчаянные попытки отстоять издание. С этой целью он обратился в РИСО, позволяя себе не согласиться с мнением Марра, которого он упрекал в необъективности к своему труду и некомпетентности в вопросах славистики. Ильинского поддержал Ляпунов, который тоже обратился с заявлением в РИСО, в котором просил пересмотреть решение от 13 февраля 1931 г. с отказом напечатать ПГ в полном объеме. В апреле 1931 г. РИСО направляет рукопись ПГ на отзыв А. С. Орлову, который, сознавая, что не является специалистом в области славянских языков, ограничился замечаниями стилистического и отчасти идеологического характера. Его общий вывод был сформулирован достаточно обтекаемо: не отрицая желательности опубликования работы, он предлагал предварить ее предисловием, в котором был бы сформулирован взгляд Академии Наук на этот труд. Судя по сохранившимся документам, 22 мая 1931 г. секретарь РИСО И. Эйзен обратился к Марру с просьбой дать новое заключение о работе Ильинского, препроводив ему вместе с набором и рукописью ПГ все выписки из протоколов заседаний РИСО, на

которых обсуждался вопрос ее издания, и первое заключение Марра. Однако второй отзыв Марра в материалах Архива нами обнаружен не был. Вероятнее всего, окончательное распоряжение о приостановлении издания ПГ Марр отдал устно. Когда стало ясно, что в полном объеме ПГ не будет опубликована, Ильинский пытался спасти хотя бы «Введение», а когда пришел к выводу о том, что и ему суждено «сгореть в котле яфетической инквизиции», то решил получить корректуру рукописи и ее оригинал. Во всех письмах к Ляпунову содержится одна и та же просьба: вернуть рукопись из издательства (работа должна была печататься в Ленинграде), но она так и осталась невыполненной.

Ранее считалось, что в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН сохранился лишь рукописный оригинал «Введения» ко второму изданию (223 листа рукописного текста, переписанные А. Я. Ильинской, женой Г. А. Ильинского), а остальная, основная часть рукописи утрачена. Так полагал В. К. Журавлев, который весьма коротко охарактеризовал в своей биобиблиографической книжке об Ильинском 2-е издание ПГ на основе «Введения» (Журавлев 1965). Первоначальные поиски рукописи автором настоящей статьи тоже не увенчались успехом. В связи с этим было решено подготовить переиздание ПГ 1916 г. и опубликовать сохранившееся «Введение» ко 2-му изданию. Когда эта длительная работа была почти закончена, я решила обновить вступительную статью и с этой целью стала просматривать сборники документов, в том числе сборник АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934). Составитель А. Н. Анфертьева. СПб.: Изд-во «Наука», 2013. Там я наткнулась на сноску к публикуемому в книге письму Н. Я. Марра и отклику на него Г. А. Ильинского, в которой отмечалось, что считавшаяся утраченной рукопись ПГ находится среди материалов Института языка и мышления Н. Я. Марра, который впоследствии был преобразован в Институт лингвистических исследований (Анфертьева 2013: 36).

Эта рукопись хранится в Санкт-Петербургском Отделении Архива РАН ф. 77 Опись 7. Д. 61–64. Как позднее оказалось, в книге регистрации документов Архива она была записана как «Православная грамматика».

Просмотр этих материалов показал, что нумерация сохранившейся рукописи начинается с л. 224, т. е. после того, как закончилось рукописное «Введение» ко 2-му изданию, которое хранилось отдельно от основной части рукописи. При этом основная часть ПГ переписана той же рукой, что и «Введение», т. е. рукой жены Г. А. Ильинского. Рукопись хранится в четырех папках, это листы формата А-3, заканчивается она на л. 1596. Стало ясно, что это утраченная часть 2-го издания ПГ. По неясным причинам рукопись не была возвращена ни автору, ни ее редактору Ляпунову, но была оставлена в Институте языка и мышления Н. Я. Марра, несмотря на многочисленные просьбы Ильинского вернуть ему рукопись. Можно предположить, что она осталась там после второго отрицательного отзыва Марра. Не исключено также, что ее предполагалось вообще уничтожить, так как на этот счет существовало распоряжение Марра, но кто-то из сотрудников института, понимая важность этого труда, просто решил на время спрятать работу Ильинского. После печально известного дела славистов и расстрела ученого в 1937 г. открыто хранить ее было просто опасно, впоследствии вместе с другими материалами Института языка и мышления она была передана на хранение в Архив РАН.

Дополнительные 55 листов рукописи представляют часть сохранившейся корректуры «Введения». Местами текст выцвел, но в основном его сохранность надо признать хорошей. Имеются правки и исправления, которые вносил автор работы.

Одной из интересных особенностей рукописи являются многочисленные замечания и пометки, сделанные рукой редактора ПГ – Б. М. Ляпунова. О его роли в этом издании следует сказать особо, хотя эта тема может стать предметом отдельного исследования. Ляпунов не только принимал деятельное участие в подготовке 2-го издания ПГ и хлопотал об его опубликовании. Он помогал Ильинскому в работе над корректурой ПГ, участвовал в редактировании рукописи, давал советы по ее улучшению, в ряде случаев делал библиографические справки по просьбе Ильинского. На полях рукописи «Введения» сохранились многочисленные поправки и ссылки на работы русских и зарубежных ученых, сделанные рукой Б. М. Ляпунова. По ряду моментов Ляпунов выражал несогласие с мнением Ильинского, о чем делал примечания со своей подписью, заключая их в квадратные скобки. Сказанное касается, например, расхождений во взглядах Ф. Ф. Фортунатова и его последователей, в том числе Ляпунова, с

одной стороны, и Г. А. Ильинского, с другой, на дифтонгическое происхождение *ě*. Если Ильинский возводил его к дифтонгу *iä*, то Ляпунов внес поправку в текст ПГ, где возводил *ě* к дифтонгу *ie*. О характере и величине примечаний Ляпунова можно судить по следующему примеру, касающемуся вопроса редукции *ъ* в *a* в сербохорватском языке, которую Ильинский связывал с редукцией *a*, которое легко могло возникнуть из *ǫ* при более низком положении языка. Ляпунов написал по этому поводу следующий комментарий на полях рукописи: [«Что касается сербского *a* как из *ъ*, так и из *ь*, то значительная часть древнейших сербо-хорватских памятников, знающих одну букву *ь* вм. двух и заменяющих ее до XIV в. буквою *e*, скорее говорит в пользу мнения об утрате лабиализации древним *ъ* в прасербском, как и в прасловенском, кроме некоторых диалектов, получивших *o* как из *ъ*, так и из *ь*. Б. Ляпунов»].

Подобных возражений и исправлений в рукописи сделано довольно много, хотя трудно сказать, вошли ли они в окончательный текст 2-го издания, но скорее всего Ильинский принимал эти поправки. Не случайно в одном из писем 1930 г. Г. А. Ильинский писал Б. М. Ляпунову: «Что касается редактирования ПГ, то конечно, я могу только благословлять судьбу, что она послала мне такого благородного редактора, как Вы: Вы уже успели сделать не мало ценных замечаний к книге и спасти ее не от одной неточности» (СПб. Отделение Архива РАН. Ф. 752. Оп. 2. л. 260).

Сравнение 1-го и 2-го изданий показывает, насколько расширено было 2-е издание книги. Достаточно сказать, что одно «Введение» было увеличено в два с лишним раза, а количество глав во втором издании возросло на 11 номеров и стало равно 68, число же параграфов составляло 466 по сравнению с 316 в первом издании. Построение книги в обоих изданиях оставалось идентичным. Каждая глава начиналась с библиографии существующих работ по теме, далее следовали общие положения, разъяснение терминов, затем глава разделялась на параграфы, в которых высказывались различные точки зрения на проблему, включая авторскую, приводился обширный языковой материал. Из отличий 2-го издания прежде всего отметим следующие:

1. Существенно пополнился обзор научных работ, вставленных практически в каждую главу отдельным параграфом. Стремление к

библиографической полноте освещения вопроса всегда было сильной стороной не только этимологических, но и всех других исследований Ильинского, что ярко выражено на всех страницах 2-го издания ПГ.

2. Значительно расширен был материал, привлекаемый для исследования. Возросло во 2-м издании и число привлекаемых к сопоставлению индоевропейских языков.

3. Критически переосмысляя ряд положений представителей Московской лингвистической школы и ее основателя Ф. Ф. Фортунатова, Ильинский выдвигал новые гипотезы, стремясь объяснить некоторые положения не только фонетическими процессами, но и морфологическими, а также вводя понятия аналогии.

4. Во 2-м издании Ильинский отказался от ряда своих первоначальных выводов, переосмыслив их или под влиянием нового материала или под воздействием появившихся в 20-е годы работ.

Приведу лишь некоторые примеры, иллюстрирующие эти положения.

Так, глава I «Введения» была дополнена двумя параграфами: § 4 «Значение праславянского языка для славянского, индоевропейского и общего языкознания» и § 5 «Взгляд на общий ход изучения праславянского языка». Эта глава подводит итог изучения праславянского языка в течение первых трех десятилетий XX в. Как основное достижение славянской филологии автор отмечает тот факт, что наука о праславянском языке «...самоопределилась и доказала свое право на отдельное и независимое от древнецерковнославянского языка существование» (л. 39). В IV главе «Введения» был добавлен § 29 «Вопрос о германо-славяно-балтийском языке», содержащий разбор гипотезы А. Шлейхера и ее развенчание в работах А. Лескина. Существенно пополнена глава VI «Лексикальное взаимодействие праславянского языка с другими соседними языками». В главе V расширен материал, связанный с локализацией праславянской прародины в работах ученых-славистов и критически осмысленный Ильинским. Более логичной стала композиция «Введения». Если в первом издании ПГ «Славянская семья языков» была рассмотрена во II главе, а «Индоевропейская семья языков» – в III главе, то во втором издании эти главы поменялись местами.

Значительной переработке подверглось не только Введение, но и основные разделы работы. Так, была переработана IX глава «Переход иде. *ě* в дифтонг» и добавлены § 62 «Диалектическое расщепление праслав. *ia* на *ia* и *ie*» и § 63 с историческим очерком соответствующей проблемы. Глава XI «Редукция иде. кратких *i* и *u* в праславянском языке» была дополнена § 75, в котором рассматривался вопрос об ассимиляции редуцированных гласных в праславянском языке, не затрагивавшийся в 1-м издании. Отвергая в этом параграфе общепринятую точку зрения В. Вондрака, А. Мейе, а также представителей Московской лингвистической школы о возможности перехода *ъ* перед следующим мягким согласным в *ь*, а *ь* перед следующим твердым согласным в *ъ*, Ильинский разбирает приводимые учеными примеры спорадической регрессивной ассимиляции и считает их спорными, приводя собственные этимологические объяснения, связанные не с фонетикой, а с контаминацией корней рассматриваемых слов.

Существенно расширена за счет §§ 131–136, 139 была и Глава XVIII «Возникновение плавно-чистых сочетаний и их диалектические сочетания». Большим изменениям подвергся Отдел III «Интонация и ударение»: в главу XXXVII «Дославянские отношения» был добавлен § 303 «Акут и циркумфлекс», в этот же отдел были добавлены новые главы: «Балтийско-славянские явления» (глава XXXIX с параграфами 308–315), «Праславянские удлинения и сокращения гласных» (глава XL с параграфами 313–320), «Праславянская интонация» (глава XLI с параграфами 321–324). Во второй части «Морфология» значительно расширен был Отдел V «Местоимение», заслуживший уже в первом издании высокую оценку А. А. Шахматова. В той же второй части были разделены на две главы «Глагольные имена» (Глава LXVI) и «Описательные формы глагола» (глава LXVII), объединенные в первом издании в одну главу «Глагольные имена и описательные формы» (глава LVI), при этом материал был существенно пополнен. Число подобных переделок и расширений далеко не исчерпывается приведенными примерами.

В отдельных случаях Ильинский пересмотрел свои взгляды на природу фонетических явлений, которые он развивал в 1-м издании. Сказанное относится, например, ко взгляду Ильинского на судьбу иде. *ī* в славянских языках. Ученый существенно расширил рядом параграфов во 2-м издании главу LX, которая в первом издании имела

название «Палатализация иде. долгаго и в праславянском языке», а во втором – «Переход иде. $\bar{u}$ в дифтонг и его последующая дислабиализация» (вместо двух параграфов в ней стало 5, были добавлены три новых параграфа: § 67 «Изменения $\bar{u}$ в дифтонг», § 68 «Дислабиализация дифтонга $\bar{u}\bar{i}$ » и § 69 «Из истории проблемы»).

Если в 1-м издании Ильинский отстаивал точку зрения на этот звук как на монофтонг, разделявшуюся такими учеными как В. А. Богородицкий, О. Брок, критикуя А. И. Томсона и Б. М. Ляпунова, рассматривавших его как дифтонг, то во 2-м он переменял свою точку зрения на противоположную, при этом рассмотрел эволюцию изменения этого звука в деталях.

Таким образом, 2-е издание ПГ, существенно отличающееся от первого, имеет большой интерес для истории славистики и раскрывает новые грани научной деятельности Г. А. Ильинского.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Следует отметить, что Г. А. Ильинский, вся научная деятельность которого была связана с этимологическими исследованиями, проявлял большой интерес и к лексикологии. Во 2-м издании ПГ он существенно расширил раздел Введения, пополнив его материалами, содержащими славянские этимологии, которые раскрывают контакты славян с другими индоевропейскими народами. Ильинский критически рассматривает все слова, которые ученые в разное время относили к иранским, фракийским, иллирийским, греческим, кельтским, романским, германским и балтийским заимствованиям. Не все этимологии этих ученых были приняты Ильинским, так же как не все его этимологические разыскания были приняты при составлении «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ) и Этимологического словаря русского языка М. Фасмера (ЭСРЯ). Отдельно во Введении были описаны языковые контакты с народами, не относящимися к семье индоевропейских языков. При анализе языковых схождений ученый предлагал всегда разграничивать лексическую общность, сохранившуюся у индоевропейских народов на самой ранней стадии их развития, от заимствований, которые одни народы в ходе их контактов с другими могли делать друг у друга.

38-й параграф Введения был посвящен автором вопросам славяно-иранских языковых отношений, не утратившим своего значения до

настоящего времени, так как их решение не только помогает в определении древнейшего лексического состава индоевропейских языков, но и в установлении хронологических и территориальных связей между этими народами. Представляя читателям этот раздел работы, а также §§ 39 и 40 («Славяне и фракийцы», «Славяне и иллирийцы»), мы приводим комментарии к ряду слов, рассматриваемых Г. А. Ильинским, в сопоставлении с современными данными, содержащимися в работе А. А. Зализняка «Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода»², а также с соответствующими статьями ЭСРЯ и ЭССЯ. При подготовке текста по рукописи Введения были учтены исправления, сделанные Ильинским в корректуре работы.

ГЛАВА VI. ЛЕКСИКАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА С ДРУГИМИ СОСЕДНИМИ ЯЗЫКАМИ

Ср. *Miklosich*. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien. 1867. – *Буслаев*. Иностранные слова в славянских наречиях. ЖМНП. СXXXV (1867). 540–560. – *Matzenauer*. Cizí slova v slovanských řečech. Brno, 1870. – *Miklosich*. Über Fremdwörter. ASPH. (1886). 105–111. – *Štrekelj*. Zur slavischen Lehnwörterkunde. Wien, 1904. – *Bartoli*. Riflessi slavi di vocali labiali romane e romanze, greche e germaniche. Zb. Jag. Berl. 1908. 30–60. – *Brückner*. Wpływ kultur obcych (Początki kultury słowiańskiej, Encyklopedia Polska. T. IV. cz. 2. dz. V. 188–207. – *Sköld*. Lehnwörterstudien. Lund. 1923. – *Lokotsch*. Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelb. 1927.³

---

² В своей работе А. А. Зализняк разделяет рассматриваемую лексику на следующие группы: Собственно славяно-иранские схождения; Славяно-арийские схождения; Балто-славяно-иранские схождения; Предполагаемые заимствования из иранского в праславянский или в восточнославянский; Славяно-иранские схождения в мифологической и религиозно-этической области – см. (Зализняк 1962).

³ См. также общий обзор лексических заимствований в праславянском языке в (Бернштейн 1961: 91–101).

§ 37. Значение заимствованных слов для истории праславянского языка.

Из предыдущей главы явствует, что продолжительность жизни праславянского языка должна измеряться целыми веками. Но само собой разумеется, что в течение столь долгой эпохи славяне не могли жить /л. 146/ совершенно изолированно от окрестных народов, но, как это всегда бывает в таких случаях, вступали с ними в самые разнообразные (политические, торговые и культурные) отношения. Результатом их был целый ряд слов, заимствованных славянами у их соседей и, наоборот, этими последними у славян. Хотя такой обмен словами никогда не может быть равномерен, – более культурные и политически мощные нации всегда менее нуждаются в обогащении своего словаря, чем народы некультурные и политически зависимые, – тем не менее заимствованные слова имеют огромное значение не только для первобытной истории иде. народов, но и для истории их языков, в том числе праславянского. Ведь всякое слово, переходя из одного языка в другой, тем самым ставится вне сферы влияния своей прежней среды, но сохраняет в своей внешней оболочке или значении много такого, что потом, на родной ему почве, может быть, стерлось бы под влиянием тех или иных фонетических и морфологических процессов. Поэтому, если освободить подобное слово от позднейших наросов языка, его усвоившего, то в остатке получится ядро, которое гораздо точнее отразит первоначальную стадию развития слова, чем какое-нибудь исконное слово, уцелевшее в современных говорах, но изменившееся до неузнаваемости, /л. 147/ в силу особых условий его развития. Таким образом, заимствованные слова представляют своего рода лингвистические окаменелости, и их значение для языковеда ничуть не меньше палеонтологических окаменелостей для геолога: и те и другие одинаково служат опорными базами при определении относительной древности (а иногда и хронологической последовательности) различных наслоений в толще изучаемых явлений.

После этих общих замечаний мы можем перейти к более детальному обзору лексикальных отношении между славянами и их соседями, а именно сначала с соседями индоевропейскими, а потом – с неиндоевропейскими.

ЛЕКСИКАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯН
С НАРОДАМИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ.

§ 38. Славяне и иранцы.

Погодин. К истории сношений славян и Литвы с иранским племенем. Новый сборник в честь В. И. Ламанского. СПб. 1905. 181–183. – *Соболевский.* Русские местные названия и язык скифов и сарматов. РФВ. LXIV (1910). 180–187. *Мсерианц.* К вопросу о взаимоотношении славянских и иранских народов. РФВ. LXV (1911). 135–142, 236–237. – *Vasmer.* Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie. /л. 148/ RS. IV (1911). 160–163. VI (1913). 173–177. – *Rozwadowski.* Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi a irańskimi. RO. I (1914–1915). 95–100. – *Vasmer.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland. Lpz. 1923. – *Vasmer.* Iranisches und Südrussland. Streitb. Festgab. Lpz. 1924. – *Mladenov.* Les pré-tendus emprunts iraniens et turcs en slave commun. RES. IV (1924). 190–194. – *Meillet.* Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien. RES. IV (1926). 165–174⁴.

Говоря о границах праславянской прародины, мы уже указывали выше (§ 33), что на ее восточном рубеже славянские туземцы встречались с разными иранскими, точнее скифскими и сарматскими племенами. Но там же мы видели, что эти встречи носили случайный характер, так как до славянских пределов доезжали лишь отдельные кибитки иранских кочевников, и воду р. Сана могли пить немногие скифские и сарматские кони. При таких обстоятельствах ничего нет удивительного в том, что в праславянском словаре не сохранилось почти никаких следов иранского влияния. Правда, в славянских языках можно указать не мало слов, которых вполне точные эквиваленты встречаются лишь в иранских языках, но это не доказывает заимствования первых. Ведь иранцы и балто-славяне, как /л. 149/ народы, принадлежащие к индоевропейской группе *satəm*, по-видимому, еще на индоевропейской прародине соседнили друг с другом, почему в своем словаре могли не только сохранить не мало общей старины, но и изменить ее в одинаковом направлении. Поэтому, изучая славянско-иранские лексические изоглоссы, мы не должны, как уже не однажды

---

⁴ Славяно-иранские языковые контакты анализируются в ряде работ, в том числе см. (Соболевский 1924; Зализняк 1962; Трубачев 1967; Трубачев 1999).

предостерегал *Meillet* (RS. II. 66. RES. VI. 165), смешивать словарный капитал, унаследованный славянами и иранцами от их предков, с лексикальными займами, которые один народ делал у другого. В самом деле, если этимологическое равенство *radi* = др.-прс. *rādiy* объясняется исконным родством обоих слов, то почему им же нельзя объяснить и другие подобные равенства?

Если мы оставим в стороне случаи такого рода органического сходства иранских и славянских слов, то мы найдем лишь три или, пожалуй, четыре слова, о которых, по крайней мере, с некоторой уверенностью можно будет сказать, что они – иранского происхождения. Это, во-первых, *čaša*, если оно подобно др.-инд. *caṣaka* «кубок» и арм. *čašak*, заимствовано из того иранского источника, от которого ведет начало нпрс. *časīdan* «угощать» (*Berneker. EW. I. 137*)⁵; во-вторых, *пенька*⁶, если в основе его лежит тот иранский корень, который дол/шел /л. 150/ до нас в др.-инд. *bhangā* «конопля» и нпрс. *beng* «белена» (*Погодин. Нов. сб. 183*); в-третьих, *sobaka*⁷, известное, кроме русского языка, еще в некоторых кб. и впл. говорах. Это слово с давних пор сравнивается с мед. *σπάχα* (Геродот) и ав. *spaka* «собачий», но эти имена не объясняют ни гласного *o* в их славянском потомке, ни согласных *b* и *k*. И так как то, что мы читаем по этому поводу у *В. Миллера* (Ос. эт. III. 271) и *Vasmer'a* (RS. VI. 176), в высшей

⁵ Слово входит в перечень иранизмов, приведенных в работе А. А. Зализняка, однако при этом отмечается, что А. Мейе и М. Фасмер не придерживаются этого мнения (Зализняк 1962: 39). Кроме того, А. Мейе, М. Фасмер, а вслед за ними А. А. Зализняк отмечают родство праслав. *čaša* др.-прусс. *kiosī* «кубок» (ЭСРЯ IV: 320).

⁶ Слово *пенька* отсутствует в списке А. А. Зализняка. М. Фасмер предполагает возможное заимствование его через тюркский, приводя те же примеры, что Ильинский (ЭСРЯ III: 233).

⁷ А. А. Зализняк включает это слово в список заимствований из иранского в праславянский и считает версию о его происхождении из иранского наиболее распространенной, однако приводит этимологию О. Н. Трубачева, согласно которой оно заимствовано из тюркского (Зализняк 1962: 40), ср. примечание О. Н. Трубачева в ЭСРЯ: «[Ир. происхождение слова *собака* маловероятно, скорее всего мы имеем здесь заимствование из тюрк[ского] *kōbāk* «собака»; см. подробно Трубачев, Слав[янские] названия дом[ашних] животных. М., 1960, стр. 29 и сл., где и остальная литер. –Т.]» (ЭСРЯ III: 703).

степени неудовлетворительно, то для спасения иранской генеалогии собаки остается только одно средство – вместе с *Розвадовским* (RO. I. 107) допустить, что оно заимствовано сравнительно поздно из какого-то диалекта, в котором наше имя звучало наподобие современного диал. прс. *s^aba*, причем на конечное *-ka* в таком случае могла бы повлиять *suka*. К этим словам соблазнительно было бы присоединить, и многие ученые, с самим *Brugmann*'ом во главе (MU. V. 11. IZ. I, 251. KVG. § 196), действительно присоединяют (*Mikkola*. RS. I. 15; *Соболевский* РФВ. LXIV. 149; ASPH. XXVII. 240; *Osten-Sacken*. IF. Anz. XXVIII. 37; *Vasmer*. RS. IV. 161. VI. 176; *Hirt*. IG. I. 55) еще четвертое – *s̆yto* «100»⁸, ввиду того, что его *ъ* легче объяснить из иранского *a*, чем из иде. *ṃ*; но в данном слове *ъ* могло заменить ожидаемое *ę* вслед/ствие /л. 151/ скрещения на праславянской почве закономерного **s̆ęto* с тем **s̆yto*, которое обозначало «кучу, массу» и которое было родственно, между прочим, с лт. *szutis* «куча» и гр. *χύτος* «полость, овал, брюхо» (ср. Изв. XXIII. 2. 182)⁹. Поэтому в конечном итоге числ. *s̆yto* следует признать не вполне достоверным примером иранского влияния на праславянский язык¹⁰.

Кроме перечисленных слов в науке было выставлено не мало других в качестве кандидатов в иранизмы, но при ближайшем рассмотрении они оказываются или исконными родичами своих предполагаемых источников, или их случайными и при том всегда очень неполными созвучиями. К числу этимологических недоразумений

---

⁸ Слово включено А. А. Зализняком в список заимствований из иранского, однако ученый отмечает, что это мнение не разделяли А. Мейе, Р. Траутман, Х. Педерсен, И. Эндзелин, А. А. Шахматов и Я. Розвадовский (Зализняк 1962: 40).

⁹ Это положение Ильинского было подвергнуто критике М. Фасмером, который считает неправдоподобным «объяснение *ъ*- мнимым влиянием слав. соответствия лит. *sutis* «куча камней» (Ильинский ИОРЯС 23, 2, 182 и сл.) (ЭСРЯ III: 762).

¹⁰ Из предполагаемых заимствований из иранского в праславянский А. А. Зализняк перечисляет следующие слова: *ašterъ*, *šaša*, *čr̆ytogъ*, *hom̆storъ*, *хъмель*, *guŋja*, русск. ирей, вырей, русск. корда «короткий меч», *korġuġъ*, *měďь*, *mogyła*, *gaĵъ*, *гавъль*, *gota*, *s̆yto*, русск. собака, *torogъ*, *vatra*, *vina*, русск. ворс.

первого рода относятся: 1) *bogъ*¹¹: как и ав. *baγa*, дпрс. *baga*, др.-инд. *bhāga-*, а также фриг. *βαγαῖος* (эпитет Зевса), оно ведет начало от иде. корня **bhāg-* «наделять, одарять» и потому, вопреки весьма популярному мнению (Hehn, Kult. 44; *Berneker*, EW. I. 67; *Корш* Пошана. 53; *Vasmer* RS. IV. 161; RS VI. 173, неуверенно Urh. 126 и др.) нет никакой необходимости выводить его непосредственно из иранских языков, и это тем более, что в славянских языках имеются другие потомки того же корня и притом с чередованием гласного: *bogать*, *bagать*, *bagati* (Изв. XXIII.1.126 /л. 152/ 126; ЗУН. VII–VIII. 57); 2) Столь же нелогично *Rozwadowski* (RO. I. 106) заключает из факта очевидной связи слав. *Svarogъ* с др.-инд. *svar-*, ав. *hvar-*, что первое заимствовано из иранского¹²; 3) *rajъ*¹³ *Vasmer* (Urh. 126) выводит из ав. *gāu-* на том основании, что его *a* предполагает иде. *ē* (ср. лат. *rēs*); но разве нельзя допустить здесь чередования иде. дифтонгов *-ōi* и *ēi*? 4) *vatra* «огонь», как увидим ниже (§ 170), отличается только протетическим у

¹¹ А. А. Зализняк рассматривает эту лексему в ряду собственно славяно-иранских сходжений и отмечает, что «за исконное родство славянского и иранского слов выступают А. Мейе, Г. А. Ильинский, Я. Розвадовский, В. Порциг, Р. Якобсон и М. Фасмер» (Зализняк 1962: 34), в ЭССЯ допускаются две возможности – исконное происхождение слова, близость с иде. лексемой, а также заимствование из ир. (ЭССЯ 2: 161).

¹² *Сварог* – верховное языческое божество славян, соответствует Гефесту, а также Гелиосу. Единого мнения исследователей на происхождение этого слова нет. Р. Якобсон отмечал его сходство с индо-иранским божеством. Я. Розвадовский считал это слово общеарийским заимствованием, К. Мошинский относил его к заимствованиям из иранского, Р. Якобсон вслед за В. Махеком, возводит его к иран. *vāga-gna > *gaγogъ* («божественный сокол») (Зализняк 1962: 43). М. Фасмер отмечает связь имени *Сварог* со словом *svāp(a)*, а также указывает на другую этимологию, которой придерживаются К. Уленбек, Ф. Е. Корш, Ф. Ф. Фортунатов, О. Гуйер, согласно которой это слово родственно др.-инд. *svārgas* «небо». Не разделяет М. Фасмер мнение Ф. Е. Корша о арийском (доиранском) заимствовании этого слова (ЭСРЯ III: 569–570).

¹³ Согласно М. Фасмеру *rajъ* является «скорее всего заимствованием из др.-ир., ср. авест. *gāu-* м. «богатство, счастье» <...> Признание родства слав. *гајъ и индо-ир. слов ... заставляет допустить чередование *ō*: *ē*, которое не может быть доказано» (ЭСРЯ III: 435).

от ав. *ātar*¹⁴; не верит в иранское происхождение и *Rozwadowski* (RO. I. 108). 5) *toporъ*¹⁵ склонны признать иранизмом (ср. прс. *tabar*) даже те ученые, которые, как *Meillet* (RS. II. 67.VI, 173) и *Rozwadowski* (RO. I. 110), проявляют в других таких же случаях здоровый скептицизм; но я не вижу причины, почему это слово не может быть образовано с помощью суффикса *-or-* (ср. *sochorъ*, *kosorъ* и т. п.) от корня *tep-* «рубить» (ср. *tepo teti*) и, следовательно, находиться в исконном родстве с ир. *tapara-*. Если это слово проникло, как указывает *Vasmer* (Urh. 126), в армянский язык, то из этого не следует, что оно проникло и в праславянский. 6) *soxa*, которое иранизмом считает даже *Hujer* (Úvod². 40), на самом деле есть родная сестра нпрс. *šāx* «ветвь» < др.-ир. *sāxā* (*Mladenov*. RES. IV. 192, *Vasmer*. лл. 153/ VZ. IV. 144). 7) *ryсь* *Vasmer* (Urh. 127) склонен вывести из предполагаемого иранского родича нем. *Luchs*, но если эти слова действительно родственны, то *r* славянского имени можно еще более легко объяснить влиянием *rъvati*.¹⁶ 8) с прс. *kargas* «коршун», ав. *kahrkāsa* неуверенно сближает *Rozwadowski* (RO. I. 107) **korgujъ*, но в том и другом случае мы можем иметь различные расширения одного и того же звукоподражательного корня. 9) если *korda* «меч» действительно имеет своим первоисточником ир. *karəta* (*Rozwadowski*. RO. I. 107), то уже сохранение *o* перед плавным в современных его славянских потомках показывает, что мы имеем здесь дело с очень поздним заимствованием, и притом едва ли непосредственным (*Berneker*. EW. I. 569). 10) *galasъ* *Vasmer* (RS. IV. 163) считает иранизмом ввиду ос. *yalas*, но последнее

¹⁴ Помещая это слово в ряду заимствований из иранского в праславянский, А. А. Зализняк отмечает, что Х. Педерсен, А. Мейе и А. Вальде считают слав. слово исконно родственным иранскому (с протезой *v*) (Зализняк 1962: 40).

¹⁵ Слово *toporъ* А. А. Зализняк относит к числу наиболее надежных из предполагаемых заимствований из иранского в праславянский (Зализняк 1962: 40). Однако М. Фасмер не исключал «возможность праслав. образования, связанного чередованием гласного со ст.-слав. *тѣпъ*, *тѣти*, но считает невозможным отделять это слово от др.-ир. **taraqa-* (ЭСРЯ IV: 79).

¹⁶ М. Фасмер допускает происхождение этого слова из *lyсь* с вторичным *r* под влиянием **ryсь* «рыжий, пятнистый». В то же время он отвергает появление *r* под влиянием слов **rykati* или *rvatъ* и одновременно считает недоказуемым заимствование слова *ryсь* из иранского ввиду того, что в этом языке оно не засвидетельствовано (ЭСРЯ III: 530–531).

само заимствовано из мр. языка, точнее из говора кубанских казаков (ср. Изв. XXIII. 1. 31)! – Таким образом, более внимательный этимологический анализ показывает полную произвольность иранских гипотез, хотя бы они сводили вопрос на почву лишь семасиологического влияния языка южноевропейских иранцев на их западных славянских соседей. Так именно поступает *Rozwadowski* (RO. I. 102), когда такого рода влияние констатирует в целом /л. 154/ ряде слов, обозначающих религиозно-нравственные идеи: *bogъ*, *svěťъ*, *divъ*, *zъlъ*, *větrъ*, *slovo*, *nebo*, *sormъ* (из *psormъ, ср. ав. *fšarəma* «стыд»), *gataŋi*, *vъpiti*, *kajati*, *kaznъ* и даже *briti volsъ* (!!). Но все это – одна этимологическая фата-моргана! То же самое следует в еще большей степени сказать о тех случаях, когда из иранских источников выводятся слова, не имеющие ничего с ними общего. Таковы: 1) *Stribog*, которое *Vasmer* (Urh. 126) возводит к ир. *sribaya*, где *sri-* тождественно с др.-инд. *śri-* в начале личных имен, как знак их высокого положения, но славянское имя можно толковать и иначе (ср. *Перетц* Слово о п. Иг. 79). 2) То же следует сказать о сближении *Kopша* (Пошана 52, ср. также *Vasmer*. RS. IV. 16, Обнорский. ЯЛ III. 250) имени *xorsъ* с ср.-прс. *xuršed*; однако и это имя допускает другие объяснения (*Перетц о.с.* 79). 3) *irъjъ* «южная страна» *Vasmer* (RS. VI. 176; *Streitberg*. Festgabe. 368; Urh. 127) выводит из *a'rjā* «иранская страна», на самом же деле (ср. РФВ. LXXIV. 139), оно возникло из иде. **ǰr-* > *ǰr-*, т. е. оно представляет редуцированную ступень корня **ǰr-* «весна, год», ср. мр. *ириця*, обозначающее не только «птицу, возвращающуюся из зимнего отлета», но и «очень старую женщину». 4) *kurъ* естественнее сближать с лат. *caurīre* «кричать» (*Berneker*. EW. I. 650; *Mla/denov*. /л. 155/ RES. IV. 192), чем с нпрс. *xurōs* при ав. *xraos* «кричать» (*Schrader*. RL. 329)¹⁷. 5) *mъrda*, вопреки *Vasmer*'у (Urh. 127), родственно не с ав. *kaŋarada* «голова», др.-инд. *murdhan-*, агс. *molda*, а с семьей лат. *mordere*. 6) *xorna* «пища», если оно заимствовано из ир. (ср. ав. *xvarat'i* «ест»), как предполагает *Vasmer* (Urh. 127), должно было бы сохранитъ *v*, поэтому мы по-прежнему предпочитаем этому сближению этимологию *Petersson*'а (ASPh. XXXV. 366; ср. звук. *ch* § 162), сравнившего данное слово с др.-инд. *chardiś* «защита». Своих

¹⁷ В ЭССЯ слово *kurъ* предлагается считать «чистым звукоподражанием» и полностью отвергается предположение о заимствовании из ир. (ЭССЯ 13: 130).

прежних производств имен 7) *xъmelъ* < ир. *haoma* «сома» (RS. VI. 174) и 8) *xoměstorъ* < ав. *hamaēstar* «повергающий на землю» (ib. 173) не решается повторить в своей новейшей работе (Urh.) сам Vasmer¹⁸. 9) Имя *xъrvatъ*, чередовавшееся в праславянском языке с *xrъvatъ* (ср. Јф III. 26), указывает, что оно возникло из иде. двусложной базы **khereu-* «резать», которое может находиться в исконном родстве с сарм. *Χοροάθος*; поэтому этимология *Vasmer'a* (Urh. 126) из ир. (*fšū*) – *haurvatar* «скотопас» не имеет под собой твердой почвы. 10) *gospodarъ* и будто бы возникшие из него *gospoda* и *gospodъ Kopu* (ИАН 1907. 757)¹⁹ выводит из ир.: ср. ср.-прс. *gōspan-dār* «владелец овец», но гр. *υέ-ποδεξ* указывает, что *d* /л. 156/ в славянских словах иде. происхождения; поэтому напрасно пытался объяснить *gospodъ* из иранских языков и *Соболевский* (РФВ. LXIV. 149). 11) Тот же ученый (I. с.), ввиду начального *b*, признает иранизмом даже *batъ*, – это типичное «детское слово», но даже *Vasmer* (RS. IV. 163) находит такое объяснение невероятным. 12) О.р. *xopoшь*, которое *Sköld* (Lehnw. 8) и *Обнорский* (ib.) выводят из ир. *xorz*, см. Изв. XXIII. 2. 242.

§ 39. Славяне и фракийцы.

Погодин. К вопросу о фракийцах. Сборник статей. СПб. 1902. 152–153. – *Дечев*. Приносъ къмъ трако-словенскитѣ езикови отношения. Юбил. Годишник на Нар. Библиотека в Пловдив. 1925. София 1927. 311–317. – *Dečev*. Ein Beitrag zu den slavisch-thrakischen Sprachbeziehungen. VZ. IV. (1927). 377–383.

Как показано выше (§ 33), южными соседями славян были фракийцы, – те самые фракийцы, которые, смешавшись впоследствии с римскими колонистами, образовали довольно многочисленную нацию румын. Судя по тому, что последние, как увидим далее (§ 43),

¹⁸ Слово *xoměstorъ* А. А. Зализняк приводит в ряду заимствований из иранского в праславянский, в отличие от Ильинского М. Фасмер также называет его вероятным заимствованием из др.-ир. (ЭСРЯ IV: 260), тогда как попытки объяснить *xъmelъ* как заимствование из авест. *hаbта-* он считает неприемлемыми и допускает его происхождение из герм. (ЭСРЯ IV: 250).

¹⁹ На ошибочность мнения Ф. Е. Корша, считающего слово *gospodъ* образованным от *gospodarъ* и возводящего его к ир. заимствованию, указывает и М. Фасмер (ЭСРЯ I: 447).

заимствовали от славян множество слов, можно думать, что в более глубокой древности, наоборот, славяне столь же обильно черпали запасы своего словаря из фракийского источника. Но положительных доказательств в пользу такого предположения /л. 157/ наука не знает. Это отсутствие фракизмов в праславянском языке, может быть, находится в связи с тем фактом, что самые северные фракийские поселения не простирались далее южных склонов Карпат; славяне же, в эпоху своего единства, наоборот, предпочитали селиться у подножия северных отрогов этого горного хребта, в частности, Татр; поэтому встречи их с фракийцами едва ли могли быть очень частыми. А если так, то делается понятным, почему Татры названы славянским именем – *Tǫrtry (см. выше), а самые Карпаты носят фракийское название – именно *karpa* «скала» (*Vasmer. Studien zur albanischen Wortforschung. I. 25*).

Хотя, при современном состоянии вопроса, наука не может указать в праславянском языке ни одного слова, фракийское происхождение которого можно было бы признать достоверным, все же в лингвистической литературе не было недостатка в попытках указать следы влияния фракийского языка на праязык славян. Но все они отличались чем угодно, только не осторожностью и критичностью. Так, *Dobrovský* (ASPh. II. 189; ср. также *Грот.* Моравия и мадьяры, 53) выводил имя *županъ*, но ср. о нем ниже § 48; *Погодин* (Сборник 152) предполагал такое же происхождение у имен *vinо*, /л. 158/ *къметъ* и *zǫbrъ*. Но первое имя, если не прямо заимствовано из латинского языка, то через германское посредство (см. ниже § 43), второе и третье допускают другие объяснения, именно *къметъ* из корня *k^{um-}*, ср. *komоnъ* «конь» (*van-Wijk. Slavia. IV. 212*)²⁰, а *zǫbrъ* из **gh^{h-}*, т. е. из нулевой ступени **egh^{h-}* «болото, озеро» (ср. *TŽ. IV. 51*)²¹. Далее

²⁰ М. Фасмер говорит о заимствовании этого слова из лат. *comes*. Менее вероятным, по его мнению, является объяснение «из исконно слав. *къm-et» (ЭСРЯ II: 261).

²¹ Относительно слова *зубр* Фасмер отмечает недостоверность его происхождения из фрак.; кроме того он считает неприемлемой этимологию М. Н. Петерсона который связывает название этого животного в качестве болотного с др.-инд. *jambālas* «болото, тина». М. Фасмер предлагает «принять прямую связь с *зуб*» (ЭСРЯ II: 107).

Rostafinski (О pierw. siedz.) считал возможным из фрак. βρίζα выводить слав. рѣзь, а из слова, родственного гр. τῶξον, тисъ, но ни вокализм, ни консонантизм слав. слов не подтверждают этих комбинаций. Тем более удивительно, что *Janko* (О prav. 23) прибавил к ним *konop'a*, несмотря на то, что оно имеет близких родственников в семье арийских языков. Еще более произвольно *Шахматов* (ИАН. 1911. 120) искал источник слав. *vica* «ветка» в фракийском языке: ведь это слово, которое нельзя отделять от лтш. *vīkne* «усик раст.» и лат. *vicia*, несомненно образовано от корня *ūi-* «вить» + ум. суффикс *-ka*. Наконец, в последнее время *Dečev* (Годишник. 311, VZ. IV. 381) высказал крайне смелое предположение, что встречающиеся в славянских языках личные имена *berig-* (Berislavъ) и *bor-* (*Борис, Daliborъ*, а также сущ. *dalъ «даль») распространились в праславянском языке под влиянием фрак. Πόρος (будто бы из *bhor-* «бороться») и Δαλη-, Δαλε- (*Δαλέπορος, Δαλέζελμис*)!²²

/л. 159/ § 40. Славяне и иллирийцы.

Miklosich. Albanische Forschungen. I. Die slavischen Elemente im Albanischen. W. 1870.

Столь же мало следов своего лексикального влияния на язык славян оставили ближайшие родичи фракийцев и их западные соседи – иллирийцы. Правда, их теперешние потомки, *албанцы*, подарили южным славянам несколько слов, но почти все они имеют узко техническое значение и проникли в сербо-хорватский и болгарский языки уже на глазах истории. Во всяком случае, мы не знаем ни одного праславянского слова несомненно иллирийского происхождения.

²² С. Б. Бернштейн отмечал, что выделить фракийские слова в праславянском языке невозможно из-за ненадежности критериев, которые позволили бы отделить общеиндоевропейское от заимствованного. В то же время он указывал на перспективность поисков слов фракийского происхождения в болгарском языке, так как фракийский субстрат был активным участником формирования «балканского языкового союза» (Бернштейн 1961: 93–94). Поисками слов фракийского происхождения в болгарском языке занимался Вл. Георгиев, считая такие слова как *руфя* «молния», *газя* «бродить, шлепать по грязи, топтать траву», *катеря се* «карабаться на что-либо» фракийским наследием в болгарском (Георгиев 1958).

И в этом нет ничего странного, так как поселения иллирийцев находились еще дальше от славянской колыбели, чем жилища фракийцев: в то время как последние, как мы сейчас видели, доходили до северных Карпат, северная граница первых едва ли простиралась далее южных частей Тироля, Каринтии и Штирии. Поэтому иллирийские слова могли доходить до славян лишь через чужое посредство, но воплотилась ли когда-нибудь эта возможность хоть один раз в действительность, это остается до сих пор большим вопросом²³. Что касается бесчисленного множества славянских слов, которые слышатся в современном албанском языке, то не//смотря /л. 160/ на то, что они часто обозначают самые необходимые и важные культурные понятия и предметы, они не представляют для нас большого интереса, так как они были заимствованы из южнославянских языков уже давно, после того как они отделились от своего основного ствола.

Отсутствие исторических предпосылок для сколько-нибудь значительного влияния иллирийского языка на праславянский не мешало некоторым ученым открывать в последнем иллиризмы. Так, *Pedersen* (ВВ. XX. 231) полагал, что славянское название бога *Перуна* возникло из того же иллирийского источника, что и алб. *perëndi* «бог»; в таком же направлении шли догадки *Корша* (Пошана: 24), хотя, казалось бы, уже одна формальная сторона должна была бы предостеречь от подобного сближения. Невзирая на это, *Vasmer* не только присоединился к гипотезе датского лингвиста (RS. IV. 179)²⁴,

---

²³ См. иначе у О. Н. Трубачева, считавшего, что славяне, имевшие своей прародиной среднее течение Дуная, при продвижении на восток и север имели контакты с иллирийцами, которые, по мнению ученого, располагались к югу от Балтийского моря. В связи с этим он считал вполне возможным утверждать, что «иллирийцы прошли через земли славян на юг», а славяне, двигаясь на север, «находили остатки иллирийцев или остатки их ономастики», приводя при этом в качестве иллюстрации географические названия, личные имена и др. иллирийско-славянские изоглоссы (Трубачев 2003: 26; см. также *Трубачев О. Н. Шігіса // Античная балканистика*).

²⁴ Однако позже М. Фасмер отказался от этого предположения и объяснял первоначальное значение этого имени как «разящий, гром». О. Н. Трубачев в добавлении к статье Перун в ЭСРЯ М. Фасмера отмечает, что «в последние годы имя Репунь неоднократно обсуждалось этимологами. Большинство

но и прибавил к Перуну еще два иллиризма: *mьskъ* «мул» из иллир. *musko-*, ср. современное алб. *mušk* (Zb. Jag. 275. RS. IV. 180),²⁵ и *хъбътъ* «бузина» из иллир. **haptε*, которое само заимствовано из лат. *acte* (RS. IV. 179). Однако, *mьskъ*, как помесь осла и лошади, невозможно отделять от корня **meik* - «мешать» (ср. слав. *měsiti*, /л. 161/ лат. *miscere* и пр.) и *хъбътъ*, произвольно восстановленное Vasmer'ом как *хъртъ*, конечно же не отделимо от *xobotъ* (Berneker, EW. I. 410), точнее **x(v)obotъ*, о котором ср. РФВ, LX, 230.

Список сокращений, принятых в ПГ Ильинского и в настоящем разделе

ав. – авестийский
 алб. – албанский
 арм. – армянский
 балт. – балтийский
 гр. – греческий
 др.-инд. – древнеиндийский
 др.-ир. – древнеиранский
 иде. – индоевропейский
 иллир. – иллирийский
 ир. – иранский
 кб – кашубский
 лат. – латинский
 лтш. – латышский
 мед. – медийский
 мр. – малорусский
 нпрс. – новоперсидский
 ос. – осетинский
 прасл. – праславянский

из них настаивает на связи слав. и балт. слов, разграничение которых, действительно, нецелесообразно. <...> Предпринимаются плодотворные попытки расширить базу сравнения, помимо различных топонимов, также путем сближения с хетт. *regunaš*. (ЭСРЯ III: 246–247).

²⁵ В ЭССЯ допускается иллирийское происхождение слова *mьskъ* (со ссылкой на алб. *mushk* «мул»), а также его возможное иде. происхождение (ЭССЯ 21: 12).

русск. – русский

сарм. – сарматский

слав. – славянский

фрак. – фракийский

фриг. – фригийский

Грот. Моравия и мадьяры. – *Грот К. Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ИАН – Известия Академии наук.

Изв. – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.

Миллер Ос. эт. – *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1882–1887. Ч. I–III.

Нов. Сб. – Новый сборник статей по славяноведению в честь В. И. Ламанского. СПб, 1905.

Перетц Слово о п. Иг. – *Перетц В. Н.* Слово о полку Игоревім – пам'ятка феодальної України–Руси XII віку. Київ, 1926.

Погодин. Сборник = Сборник статей по археологии и этнографии. СПб., 1902.

Пошана – Пошана. Сборник в честь Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909.

РФВ – Русский филологический вестник. Варшава.

ЯЛ – Язык и литература. 1926–1929. Т. I–III.

ASPh. – Archiv für slavische Philologie. Berlin.

BB – Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Göttingen. 1894.

Berneker EW – *Berneker E.* Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. 1924.

Brugmann KVG – *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.

Hehn Kult. – Kulturpflanzen und Haustiere. 7. Aufl. Berlin, 1902.

Hirt IG – *Hirt H. A.* Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1921–1929. Bd. I–IV.

IF – Indogermanische Forschungen. Strassburg; Berlin.

IZ – Internationale Zeitschrift. Heilbronn.

Janko O prav. – *Jo. Janko.* O pravěku slovanském. Praha, 1912.

KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Berlin; Gütersloh; Göttingen.

Јф – Јужнословенски филолог. Београд.

MU – Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen von Osthoff und Brugmann. Leipzig, 1878–1910. Bd. I–VI.

RES – Revue des Études Slaves. Paris.

- RL – Reallexicon der indogermanischen Alterkunde. Strassburg, 1901.
RO – Rocznik oryentalistyczny. Kraków.
RS – Rocznik slawistyczny. Kraków.
Rostafiński. O pierw. siedz. – *Rostafiński J.* O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // Sprawozdania Akademii Umiejętności. 1908. XII. S. 6–25.
Slavia – Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha.
TŽ – Tauta ir žodis. Kaune.
Vasmer Uhr. – Vasmer. Uhrheimat der Slaven. Breslau, 1926.
VZ – Zeitschrift für slavische Philologie. Herausgegeben von Vasmer. Berlin.
Zb. Jag. – Jagić Festschrift: Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфертьева 2013 – АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2013. Т. IX. Ч. 1: Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934). Составитель А. Н. Анфертьева.
Баранкова 2002 – *Баранкова Г. С.* К истории создания второго издания Пра-славянской грамматики Г. А. Ильинского // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4).
Бернштейн 1961 – *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
Георгиев 1958 – *Георгиев В.* Въпроси на българската етимология. София, 1958.
Журавлев 1962 – *Журавлев В. К.* Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937). М., 1962.
Зализняк 1962 – *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6.
Март 2002 – *Март Н. Я.* Яфетидология. М., 2002.
Соболевский 1924 – *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды. Л., 1924. (Отд. отт. из ИОРЯС. Т. 26–27).
Трубачев 1967 – *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М., 1967.
Трубачев 1999 – *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.

Трубачев 2003 – *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003.

ЭСРЯ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987. Т. I–IV.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974 –. Вып. 1 –.

Galina S. Barankova

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**About the Second Edition
of the Proto-Slavic Grammar by G. A. Ilyinsky**

The article describes the discovery of the manuscript of the second edition of the Proto-Slavic Grammar by G. A. Ilyinsky, which was not published due to the approval of the “new doctrine on language” by N. Ya. Marr in the Soviet linguistics of the 1930s. The manuscript of the second edition, which had been considered lost, was kept at the N. Y. Marr Institute of Language and Thought (now the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences). It is located in St. Petersburg, Department of the Archive of the Russian Academy of Sciences (f. 77. Inventory 7. d. 61–64) and is a handwritten copy of the text of the Proto-Slavic grammar by the wife of the scientist A. Ya. Ilyinskaya (without the first 224 sheets of the Introduction, which are stored separately). The total volume of the manuscript is 1596 sheets. The article briefly describes the composition of Ilyinsky’s work, especially noting the differences between the second, significantly expanded edition, and the first, including a significant replenishment of scientific works considered in each chapter, a review of the achievements in the study of the Proto-Slavic language in the 1920s; a significant expansion of the research material, including an increased number of Indo-European languages used for comparison; the author’s revision of some of the conclusions set out in the first edition. The appendix contains a fragment of Chapter VI “Lexical interaction of the Proto-Slavic language with other neighboring languages”.

Key-words: Proto-Slavic grammar, Indo-European languages, Slavic languages, etymology, text publication